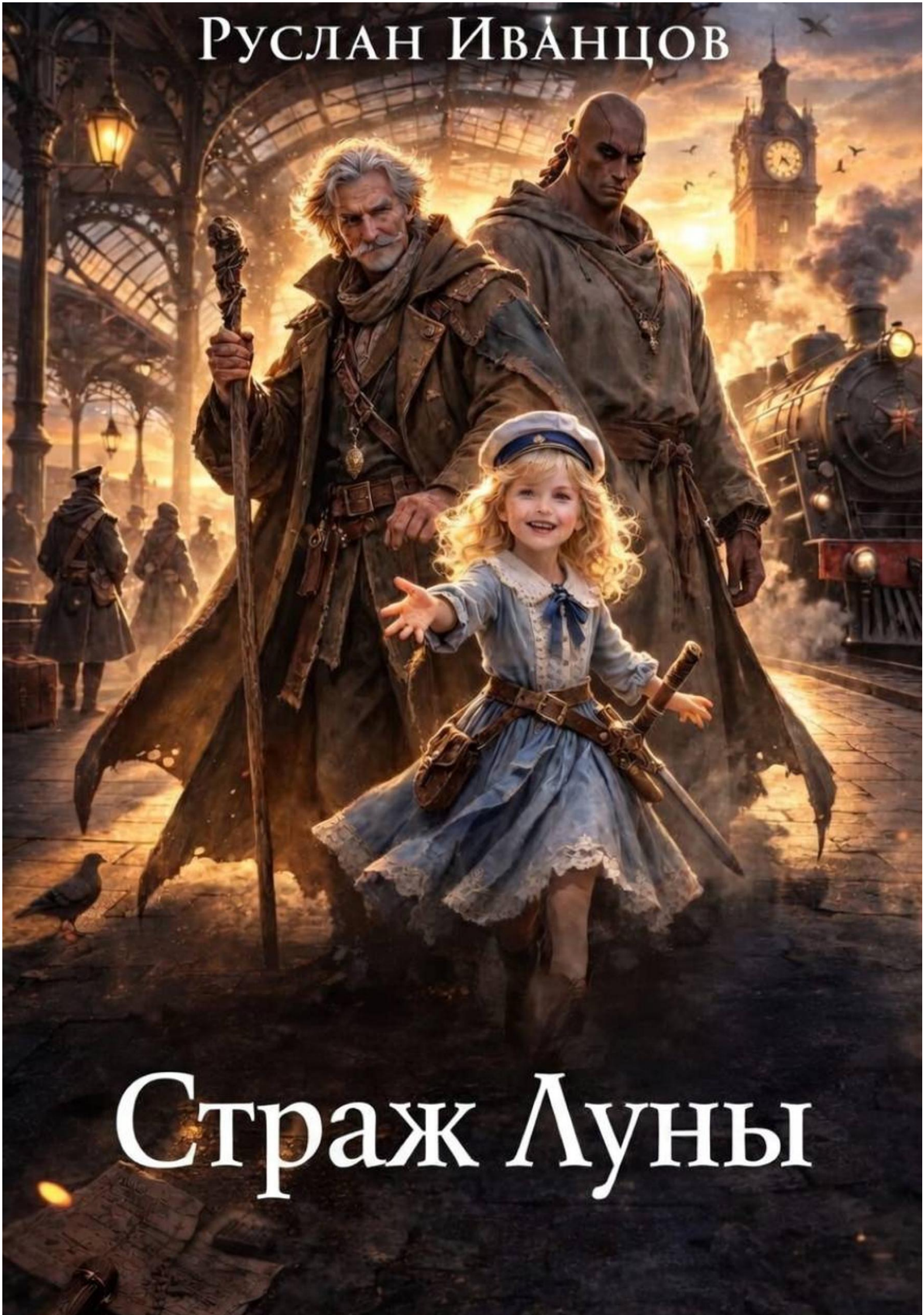
Руслан Иванцов



Страж Луны

Великое Равновесие

Руслан Иванцов

Страж Луны

«Автор»
2026

Иванцов Р.

Страж Луны / Р. Иванцов — «Автор», 2026 — (Великое Равновесие)

Империя на грани гражданской войны.Пять лет засухи и голода. Мятеж Адунции. И последний поезд, уходящий из обречённого Терантиса.В императорском вагоне «Южного Экспресса» случайно собрались те, кто не должен был встретиться: деревенская пара, столичная семейная пара с дочерью и тёмными секретами, огромный пленённый шеши по имени Крак и загадочный старик.В последнем вагоне под усиленной охраной везут ящик, внутри которого находится нечто гораздо более опасное, чем золото. Артефакт, способный нарушить Великое Равновесие и погрузить весь мир в хаос.Когда поезд подвергается нападению, начинается гонка, в которой переплетаются судьбы людей, сирдхов и шеши. Потому что иногда самый большой предатель скрывается не среди врагов, а среди тех, кто должен был защищать равновесие.«Страж Луны» первая книга трилогии «Великое Равновесие».Эпическое фэнтези о хрупком мире, древних орденах, артефактах и цене, которую приходится платить за спасение того, что, возможно, уже не достойно спасения.

© Иванцов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 22
Глава 4 28
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Руслан Иванцов
Страж Луны

Глава 1
Предрассветное безумие

13 секстория 1874 года П.И. (После Исхода).

Люди явно сошли с ума.

К такому нехитрому выводу пришла Энна, глядя на то безумие, что творилось вокруг нее в эти предрассветные мгновения. Огромная толпа людей и все они куда-то бежали, спешили, толкались, кричали друг на друга и просто орали, либо, напротив, плакали, стенали или тихо бормотали про себя.

За ту неделю, что она провела в Терантисе, величественной столице Империи, она чуточку успела привыкнуть к толпам людей вокруг. Но то, что предстало перед ней, невольно заставило затаить дыхание. Громадное сооружение южного вокзала, созданное из стекла, металла и камня поражало своим уродством и одновременно красотой. Оно напоминало старый бабушкин сундук, к которому вместо крышки приделали огромный стеклянный купол и ажурные витражи по бокам, вроде тех, что она видела в церкви города Браиз, что в дне пути от ее родной деревушки Анри.

Но особенно странными в столице были люди, суетливые, вечно куда-то спешащие. Тем удивительнее выглядело безумное сочетание хаоса и порядка вокзала. Рядом с разношерстной толпой хорошо одетых вельмож и горожан, ободранных беженцев и плачущих детей, орущих зазывал и торговцев, были молча несшие на плечах огромные тюки рабы-сирдхи, бдительно следившие за всеми стражники и деловито сновавшие работники железных дорог. И над всеми нависло ощущение тревоги.

А еще Энна отметила, что здесь было сборище всевозможных народов и земель Империи. Вон там была группа аррайских скотоводов в кожаных штанах и безрукавках, а там жители Стольмгара в своих забавных белых меховых шапках. Были и сиферейцы в бело-голубых одеждах, были жители Мокрых Островов, что на Ледяном Море в серых плащах. Важно шагали трое мужчин из Альгабара в своих строгих черных камзолах с белыми кружевными воротниками до самого подбородка. И даже были Адунцианцы с навощенными усами, что казалось удивительным, ведь это их султар поднял мятеж, объявив себя Консулом возрожденной республики, и это его войска подходили к столице.

Энна вспомнила, как однажды в детстве она единственный раз держала в руках книжку, новомодную и дорогущую вещицу. И хотя она не умела читать, но там были красивые картинки. Книжку привез заезжий торговец и показывал ватаге местной ребятни, поясная что за картинки, тщетно надеясь, что детишки уговорят взрослых скинуться на целый солар, который диковинка стоила. Тогда она вместе с подружками весело смеялись над причудливыми нарядами вельмож на картинках. И вот теперь эти картинки оживали у нее перед глазами.

Занимался рассвет, а вместе с ним нарастали хаос, суета и тревога.

Возле нее коренастый старик раб-сирдх с кожей молочного цвета и слегка заостренными ушами предстал на правое колено и, положив левую ладонь на каменный пол, тихо забубнил в сторону восходящего солнца:

– Поток, войди в меня, как свет в каплю. Пусть мой шаг не тревожит землю. Пусть мой голос не тревожит тишину. Пусть мои мысли не искажают путь. Я часть дыхания мира. Я не

выше ветра, не крепче воды, не древнее камня. Я лишь гость у жизни. И пусть я буду добрым гостем.

Девушка не поняла ни слова, ибо это было произнесено на мелодичном языке сирдхов. Но не трудно было догадаться, что это была какая-то молитва.

Вдруг подбежал бородатый мужик с плеткой в руке.

— Ах ты, лентяй и бездельник! — и захлестал старому сирдху по спине, будто понукая упрямого осла. — Не хватало еще чтобы Стражи Солнца услышали твои еретические бормотания!

Энна неприязненно поморщилась. У них дома давно считали держать рабов, пусть даже и сирдхов, скверным пережитком прошлого. И хоть они с мужем воочию увидели сирдхов лишь прибыв в столицу, то как порою здешние люди обращались с ними, будто с безмозглым животным или недоевшей вещью, повергла в ужас. В их деревушке, да и во многих окрест тоже, все были убеждены, что всякое живое существо, обладающее разумом и даром речи, не должно быть чьей-либо собственностью.

Финн было дернулся к мужику с плеткой, но девушка придержала его за локоть и едва заметно кивнула в сторону двух городских стражников в алых мундирах, стоявших неподалеку и как раз обративших внимание на происходящее. Она сразу почувствовала, как ее рыжебородый плечистый муж напряженно замер, опустив взгляд с виноватым видом.

Девушка чмокнула его в щеку и прошептала на ухо:

— Расслабься, милый. А то ты выглядишь так, будто только что стащил колбаску у тети Лиссы, — и хихикнув, повела мужа в сторону. — Идем за билетами, пока они не обратили на нас внимания.

Тем временем старик сирдх с полным достоинством встал с колена и молча поклонился бородачу. Мужик, поняв, что добился желаемого, хмыкнул и направился к груде вещей. Сирдх, еще раз поклонившись последовал за ним, после чего, не проронив ни слова, взвалил себе на спину пару тюков из груды и понес к одному из вагонов. Энна и Финн, прибыв в столицу и увидев сирдхов, до сих пор удивлялись, как покорно и безропотно вели себя белокожие рабы.

Из глубины вокзала стали доноситься выкрики:

– «Солнце Империи»! Экстренный выпуск! – кричал лопоухий мальчишка с охапкой периодики в руках, лавируя между телегами и ногами. – «Синие» у городских стен! Провитарий приказал эвакуировать женщин и детей!

– Император назначил принцепса командовать обороной! – вторил ему другой, худенький, с разодранным воротом и босыми ногами. – Только в «Солнце Империи»! Слово из дворца за брон!

Толпа гудела, как улей, многие оборачивались, кто-то пытался купить газету, кто-то кричал в ответ, у кого-то началась истерика.

Последние крики мальчишек еще звенели в ушах, когда внезапно раздался звук, от которого у Энны сжалось сердце. Это был не свист, не крик, не стон — что-то среднее между ревом раненого зверя и предупреждающим криком великана.

Это был паровоз.

Энна конечно слышала об этом стальном чудовище, обладающем силой целого табуна лошадей и способного тянуть за собой десяток домов на колесах, и даже видела на картинках. Но узреть собственными глазами — она не была к этому готова.

Длинный, как цепочка быков, он стоял на шести парах колес, словно древний зверь, вышедший из глубин гор. Его тело было сделано из черного металла, покрытого масляными пятнами и следами усталости. Из широкой трубы в небо поднималась плотная струя пара и дыма, будто внутри него дышало само пламя. А спереди, над желтым фонарем, торчала трубка для звука — оттуда и вышел тот самый рев.

— И это сделали люди? — искренне удивилась девушка вслух.

– Настоящее чудо инженерии, — согласился с ней проходивший мимо жрец двуликого бога Халама в двухцветном желто-белом балахоне, заметив ее изумление. — Поистине, велика сила Халама, вдохновившая конструктора.

— Как же он движется? — спросила она.

— Пар и уголь, — ответил жрец. — Вроде как кузня на колесах.

— Кузня? — переспросила девушка. — А не слишком ли внутри мало места для кузни?

— Так ведь им не надо ковать железо, а лишь топить большую печь, — улыбнулся жрец.

— И много надо «кузнецов», чтобы сдвинуть его с места, — поинтересовался доселе молчавший Финн.

— Обычно достаточно машиниста и двух помощников, которые бросают уголь в печь, — наставительно объяснил жрец. — Таких же плечистых, как ты.

— Машиниста? — переспросил крестьянин, встретив незнакомое слово.

— Ну, что-то вроде кормчего на корабле, — терпеливо пояснил жрец.

Финн молча кивнул.

— Трое способны сдвинуть этакую громаду? — не поверила Энна.

Она никогда раньше не видела ничего подобного. У них в Анри была водяная мельница, которую построил какой-то ученый из Ларидана. Она крутилась, как колесо, и делала муку без помощи рук. Все говорили, что это чудо, но теперь она понимала — это было лишь слабое подобие того, что предстало перед ее глазами.

— Поистине, велика сила Халама, — повторил жрец и осенил обоих знаменем разорванного пополам круга, произнеся: – Халам вар Хамал!

Энна с мужем пробормотали в ответ «Халам вар Хамал», что означало «Творец есть Разрушитель» на древнем языке аррайских скотоводов, и жрец пошел дальше.

– Что за чудо инж… – спросила она у своего мужа, не сумев выговорить незнакомое слово.

Энна была девушкой деревенской и из грамоты знала лишь как написать свое имя, чему однажды ее научил священник церкви в Браизе.

– Должно быть какое-то здешнее заклинание, – буркнул ее муж Финн.

Они направились к кассам.

Возле касс был самый настоящий штурм крепости в миниатюре. Люди кричали, ссорились, пытались пролезть без очереди, кто-то даже полез с кулаками. Но стража у касс не дремала – дубинки свистели в воздухе, и тех, кто слишком уж усердствовал, просто вышвыривали прочь.

Им пришлось отстоять в очереди почти час. Сначала терпеливо, потом уже на грани срыва.

Когда, наконец, подошла их очередь, Энна с трудом выдавила из себя голос:

– Два билета до Сиферея. Самые дешевые, пожалуйста.

Кассирша, женщина лет сорока с тугим пучком, усталым лицом и красными от недосыпа глазами, не поднимая взгляда, проскрипела:

– Остались только за солар. Один билет – один солар.

Энна застыла. Она почувствовала, как Финн напрягся рядом, и тоже опустила взгляд. В мешочке у нее на поясе звенела среди прочей мелочи ровно одна золотая монета – последний солар, что остался у них после того как они покинули родные края. Один солар – и горстка прочей мелочи. Вот все что осталось после недели пребывания в столице.

Финн первым нарушил тишину. Он слегка откашлялся и тихо, с трудом проговорил:

– Тогда бери ты. Поезжай одна. Я… я догоню. Пешком, как-нибудь. Или на телеге.

– Нет, – сказала она. Глухо, но твердо.

– Энна…

– Я сказала нет. – Она повернулась к нему. – Мы вместе приехали – вместе и уедем. Или останемся.

– Но если они прорвутся… Если начнется резня… Ты должна уехать, – продолжил он. – На юге будет безопаснее.

– Не продолжай, – перебила она. – Мы уже видели резню. Видели, как дома горят. Видели, как кричат дети. Мы прошли через все это. Вместе. И не собираюсь теперь оставлять тебя одного.

Она повернулась обратно к кассирше:

– Есть хоть какие-то места? Хоть среди багажа?

Женщина усмехнулась:

– Думаешь ты единственная такая сообразительная? Там тоже полно народу. Весь поезд битком. Разве что в топке паровоза нет людей.

– Но… – начала Энна, чувствуя, как горло сдавливает обида.

– Следующий! – крикнула кассирша, не дожидаясь ответа.

Сзади уже толкали. Кто-то закричал, требуя двигаться. Финн взял Энну за руку и молча повел в сторону.

Она не заплакала. Но глаза у нее были сухими лишь потому, что внутри все уже выгорело.

Очередь не стихала. Люди все прибывали, будто вокзал был последним островом перед тем, как океан разорвет их на части. Кассирша уже давно перестала выглядеть человеком – скорее, она стала частью механизма, что принимает монеты, выдает билеты и слушает жалобы без единой эмоции.

Энна и Финн, покинув место у оконца, отошли в сторону, освобождая дорогу следующим. Их взгляд говорил сам за себя – они еще не знали, что делать дальше.

В это время к кассе подошла другая пара с девочкой. Это были весьма примечательные люди, хотя явно предпочли бы не выделятся из толпы.

Первым шагнул к окошку сутулый, спокойный мужчина лет сорока с лишним. На нем был аккуратный, хоть и видавший виды кафтан из плотной ткани, подогнанный точно по размеру. Кафтан говорил о человеке, чей достаток пусть и скромен, но стабилен – таких узнают сразу по тому, как они стоят в очереди – не суетясь, но твердо. Он и сейчас держался безмятежно, глядя куда-то поверх голов и будто не замечая ни раздражения жены, ни беспокойства дочери.

Следом шла женщина тех же лет, стройная и напряженная, в строгом дорожном костюме с узким воротом и прямой юбкой. Волосы ее были собраны в гладкий пучок на затылке, из которого то и дело выскальзывала одна непослушная прядь. Она сразу окинула взглядом кассира, табличку с расписанием и людей перед собой, будто проверяя, не обманут ли. В движениях ее сквозила сдержанность, но в глазах – легкая тревога. Видно было, что она привыкла держать все под контролем – и именно это больше всего ее сейчас раздражало. Ибо контроль ускользал.

– Мама, – зазвенел тонкий голосок. – А сколько у поезда колес?

– Не знаю, Фло. Думаю, много.

Это была девочка лет пяти, светловолосая, как солнечный луч, – не стояла на месте ни секунды. Она то кружилась вокруг матери, то подпрыгивала, держа игрушечный деревянный меч у пояса. Голубое платьице, украшенное белыми вставками, напоминало флотский костюм, а шляпка с вышитым якорем то и дело сползала набок. Девочка с любопытством таращилась на колонны, фонари, часы и пассажиров – на все сразу – и не умолкала ни на миг:

– Мама, а сколько всего вагонов в поезде?

Женщина вздохнула, но ответила спокойно:

– Много.

Фло задумалась. На лице мелькнуло выражение глубокой серьезности, будто она размышляла над смыслом жизни.

– Мама, а сколько мест в каждом?

– По шестьдесят, – выпалила мать первое, что пришло на ум.

– Мама, а если я стану пиратом, смогу ли я купить свой собственный поезд?

– Непременно, милая, – улыбнулся отец.

– Жан, я не выдержу, – шепотом простонала женщина. – Это несносное дитя доведет меня до истерики.

– Ну что ты, дорогая, – успокоил Жан свою жену. – Малышка всего лишь беззащитный ребенок.

– Это я беззащитная, – проворчала она.

– Просто не обращай внимания. – посоветовал муж. – Пусть тараторит себе. Вскоре она угомонится.

Женщина покачала головой, явно неуверенная в этом.

– Мама, а почему телега не может по рельсам ехать? – не унималась тем временем Фло.

Женщина медленно повернулась к дочери, лицо ее дернулось, и, наконец, она резко выдохнула:

— Я тебя не мама!

Слова повисли в воздухе, как плетка. Очередь замерла. Несколько человек обернулись, кто-то с интересом, кто-то с осуждением. Одна пожилая дама хмыкнула.

– Медушки! Сладкие, вкусные медушки! – раздались зазывные крики походившего мимо лотошника со сладостями из меда в виде самых разнообразных зверюшек на палочке. – Один брон за медушку! Медушки!…

– Хочешь медушку? – спросил Жан у девочки.

Большие голубые глаза Фло загорелись желанием, и они направились к лотошнику.

Ее мать, тем временем, не изменившись в лице, будто ничего не произошло, повернулась обратно к кассе и сухо произнесла:

– Нам купе первого класса.

Кассирша даже не подняла головы:

– Солар.

Женщина моргнула:

– Это же императорский вагон! Зачем мне купе в нем? Нам не нужен императорский вагон. Я говорю – первый класс. За аурис.

– Нет мест, – не моргнув, ответила кассирша.

Жан и девочка вернулись к кассе. Фло сосредоточенно и с наслаждением облизывала фигурку петушка на палочке.

– Но это абсурд, – голос женщины стал громче. – Я не собираюсь платить солар только за то, чтобы сидеть рядом с какой-нибудь вдовой генерала. Дайте мне нормальное купе, как положено! Я…

– Гвенда, – раздался ровный, но непривычно твердый голос мужа.

Он не повысил тона, не изменил выражения лица, но в его голосе было что-то, от чего женщина сразу умолкла.

– Сейчас не время. И не место.

Гвенда сжала губы, выдохнула резко через нос и отступила в сторону, уступая кассу мужу. Девочка вцепилась в его руку, все еще сияя:

– Папа, а у императорского вагона есть башня? Как у крепости?

Жан уже наклонился к окошку, вынимая из-за пояса кошель – добротный, кожаный, натертый до блеска годами использования. Он всегда носил его на поясе, под кафтаном, привязанный ремешком – по привычке человека, что в жизни не раз бывал в тесных переулках и на пыльных трактах.

Он достал его, чуть взвесив в руке, щелкнул пальцами шнурок, чтобы отсчитать монеты, как вдруг из-за его спины вынырнул кто-то стремительный. Юноша, худой, в слишком большом кафтане с чужого плеча, выхватил кошель с ловкостью уличной крысы и рванул в сторону выхода. Несколько человек шарахнулись в стороны, кто-то воскликнул, но никто не успел среагировать.

– Держите вора! –выкрикнул Жан Мале.

И Фло побежала, засунув медового петушка за правую щеку.

– Эй, отдай! Это не твое! – крикнула она с набитым ртом и, позабыв обо всем, кинулась вдогонку, взмахивая игрушечным мечом. – Ворюга!

– Фло! Стой! – закричала Гвенда, но было уже поздно.

Малышка с сияющим лицом неслась за вором, как юнга в абордаж. Платьице затрепетало за ней, шляпка слетела.

И тут Финн, стоявший немного в стороне, быстро вскинул руку. Плечи его напряглись – одно точное движение, будто он бросал сено в телегу.

Юноша не смотрел по сторонам. Он бежал, как бегают те, кому нечего терять, – отчаянно, вслепую. И прямо грудью наткнулся на кулак Финна.

Бум.

Воришка покатился по полу, со звоном выронив кошель. Он замотал головой, пытаясь понять, что случилось.

– Ворюга – повторила Фло и замахнулась мечом. Она подскочила к нему и приготовилась со всей силы лягнуть.

Но в этот момент чьи-то руки точно и уверенно подхватили ее под мышки. Это была Энна. Она в последний миг вырвалась из оцепенения и перехватила девочку прежде, чем та успела «добить» поверженного врага.

– Тише, птичка, – тихо сказала она, прижимая Фло к себе. – Он больше ни у кого не украдет.

– Его повесят? – с надеждой в голосе спросила Фло.

– Ну, зачем? – мягко сказала девушка. – Его просто отправят в тюрьму.

– А я хочу, чтобы его повесели! – девочка капризно оттопырила нижнюю губу. – На корабле всех воров вешают.

– Но мы то сейчас не на корабле, – шутливо заметила Энна. – А на суше воров отправляют в тюрьму.

Фло нехотя кивнула, тяжело дыша и не сводя глаз с лежащего на полу парня. Тот застонал, перевернулся на бок и попытался отползти. У него кровоточила губа.

– Кажется, это ваше, домине, – бросил Финн, подобрав кошель и передавав его мужчине.

Жан молча кивнул.

Подбежала Гвенда с шляпкой в руке и присев на корточки аккуратно нахлобучила шляпку девочке и прижала к себе.

– Не делай так больше, Фло – сказала она. – Больше не отходи от меня, прошу.

– Мама, а мы поймали самого настоящего вора! – весело сообщила девочка. – И теперь его отправят в тюрьму!

Тем временем двое подбежавших стражников подхватили за руки незадачливого воришку и поволокли прочь.

– Да, парень, сегодня явно не твой день, – усмехнулся один из стражников. – Скольких ты уже успел обчистить?…

Финн отвернулся от стражников, явно стараясь, чтобы те не разглядели его лица.

– Спасибо, – сказала Гвенда, встав и собираясь уйти.

Тут Фло сказала:

– Мама, а давай они поедут с нами.

Спина женщины отвердела, а лицо приобрело привычное строго-безразличное выражение.

– Действительно, почему бы и нет, – добродушно согласился Жан.

И смущенно кашлянув обратился к Энне с мужем:

– Кхе-кхе… Вы уж простите, что мы подслушали ваш разговор, – и снова смутившись, забормотал, опустив взгляд: – Очередь была настолько плотная, что просто было невозможно не услышать ваш…

И снова смущенно закашляв поднял глаза и сказал более решительно:

– Я так понял, что у вас оказалось недостаточно денег на два билета… – теперь уже Энна с мужем смущенно опустили взгляд. – Поэтому, как предложила Фло едемте с нами. Мы с радостью оплатим ваши билеты.

Гвенда поджала губы, явно несогласная с последним утверждением мужа.

– Ну что вы, вовсе не нужно… – запротестовали в один голос Финн с женой. – Мы сами выберемся… как-нибудь на попутках… с другими беженцами…

– Давайте с нами! – стала канючить Фло. – Ну давайте! Вместе, вместе, вместе!

– Вместе будет веселее, – уговаривал Жан. – Да и от приглашения капитана не принято отказываться.

Он шутливо показал на девочку.

– Капитан Фло приказывает ехать всем вместе! – тут же подхватила девочка, выхватив меч.

– Ну, раз это приказ капитана… – улыбнулась Энна соглашаясь.

И Жан снова направился к кассам, не обратив внимания на взгляд жены не суливший ничего хорошего в ближайшее время.

А Фло, вспомнив про своего медового петушка, вновь с наслаждением принялась его облизывать.

Глава 2
Все в сборе

Билеты были куплены. Ценой неловкости и уступок гордости со стороны Гвенды, и благодаря неожиданной, почти мальчишеской щедрости Жана, теперь их небольшая, случайно собранная компания имела шанс покинуть обреченную столицу. Жан, чуть смущенный своим порывом, но явно довольный, повел их вдоль состава, ища глазами проводника или хоть какой-то намек на их места. Энна и Финн следовали за ним с благодарной растерянностью, а Фло, вновь с медовым петушком во рту, скакала рядом, уже позабыв о недавнем приключении с вором и предвкушая новое — поездку на «громадине».

Замыкал их небольшую процессию юноша в зеленой форме служащего вокзала, кативший перед собой тележку с дорожным сундуком и мешком – весь багаж семейства Мале. Багаж же Финна и Энны составлял лишь один большой дорожный мешок, который висел у него на плече.

По мере того, как они продвигались к голове состава, людской поток редел. Здесь, у первых вагонов, суетились уже не беженцы, а в основном служащие железной дороги и немногочисленные фигуры в дорогих одеждах, сопровождаемые слугами. И вот тогда они его увидели.

Императорский вагон.

Его невозможно было не заметить. Он стоял первым, сразу за пыхтящим паром тягачом. Обычно такие «золотые клетки», как Гвенда их про себя называла, цепляли в середину состава – для большей безопасности, и чтобы подчеркнуть центральное положение власти. Все говорило, что состав явно собирали в спешке, не обращая на детали внимания.

– Ну и махина, – пробормотал Финн позади. – Даже не верится, что такая громадина может передвигаться.

Даже Гвенда, чьи глаза за годы службы в домах столичных вельмож и даже во дворце одного из младших имперских советников повидали немало роскоши, невольно замедлила шаг. От великолепия, пусть и несколько показного, захватывало дух. Финн и Энна просто замерли, открыв рты, а Фло издала восхищенный возглас, позабыв про леденец:

– Он такой… золотой.

– Не золотой, – поправил Жан, тоже впервые видя его вблизи. – Просто много позолоты.

– Это все равно красиво, – заявила девочка.

Гвенда окинула состав оценивающим взглядом. Всего вагонов было девять. Девять. Недоброе число. Она поморщилась. Всякий, кто хоть немного чтил заветы Двуликого Халама, знал, что нечетное число — это Лик Луны, темная, непредсказуемая сторона бога, тогда как четное — Лик Солнца, его светлое и благосклонное проявление. Ставить в путь девять вагонов, да еще в такое смутное время, было дурной приметой, если не откровенным вызовом судьбе.

Сам вагон был чудовищно огромен, почти вдвое длиннее обычных пассажирских, что тащились позади. Над основной его частью возвышался второй этаж с рядом зашторенных окон — там, без сомнения, располагались спальные покои для августейших особ или тех, кто был удостоен особой милости. Стены вагона, казалось, были отлиты из чистого золота. При ближайшем рассмотрении Гвенда поняла, что это искусная работа: темный, почти черный лак основы был сплошь покрыт позолоченными императорскими гербами — грифонами с солнцем и луной над головой — и сложными витиеватыми узорами. От обилия позолоты вагон действительно сиял, ослепительно контрастируя с остальной частью поезда. Первый класс пестрел благородным красным, второй — более скромным синим, а дальше виднелись утилитарно-зеленые грузовые платформы и теплушки для простонародья и солдат.

– Мама, а можно я тоже поеду на втором этаже? – восторженно спросила Фло. – Я хочу смотреть на трубы и паровозы!

–Я тебе не мама, – буднично-монотонно пробормотала Гвенда, даже не обернувшись, будто произнося уже давно заученную молитву.

Но девочка, казалось, не придала значения словам матери, то ли уже по привычке, то ли ее вниманием завладело что-то другое.

Энна, стоявшая позади, невольно задумалась об этих странных отношениях. Гвенда, несомненно, любила девочку, причем очень сильно. Это было видно по тому, как она испугалась, когда Фло погналась за воришкой и по тому, как крепко она прижала малышку к себе, едва сдерживая радостные слезы, после этого. Но вместе с тем, Гвенда отказывалась признаться в чувствах к девочке даже самой себе и постоянной фразой «Я тебе не мама» каждый раз будто напоминала себе об этом.

Зачем отрицать любовь к родному дитя? Разве что… Внезапная догадка пронзила Энну.

Потому что Фло не родная дочь Гвенды! Она дочь Жана от другой женщины, но она приняла, приютила и полюбила малышку, возможно, даже вопреки желанию. Однако гордость, либо какая-то иная причина не позволяла это признать. А малышка Фло упрямо продолжая называть ее мамой просто пыталась пробить брешь в той стене, которой Гвенда безуспешно стремилась отгородиться от нее.

Внимание Фло, однако, уже переключилось. Облизывая остатки петушка, она вдруг замерла и, широко раскрыв глаза, ткнула пальчиком в сторону группы людей, стоявших чуть поодаль, ближе к хвосту состава.

– Мама, смотри! Великан! — звонко объявила она.

– Я тебе не… – начала было Гвенда, но осеклась, посмотрев туда, куда указывала девочка.

Вдоль состава шла необычная процессия. Впереди – двое в броне с солнцем на груди и желто-белых накидках, Стражи Солнца. А между ними, закованный в тяжелые железные кандалы, шагал шеши.

Он действительно был огромен. Его кожа имела матовый, бронзовый оттенок, будто он провел всю жизнь под палящим солнцем. Безволосая голова, покрытая легким слоем пота, блестела в свете утра. А изгиб складки кожи вдоль спины напоминал ребра древнего дракона, готового распрямиться.

— Это не великан, милая, — ответила Гвенда. Ее голос был спокоен, но в нем слышались нотки опытного наблюдателя, привыкшего подмечать детали. — Это шеши. Ящероподобный народ из южных пустынь. Хотя, надо признать, этот действительно огромен. Даже для шеши. Видишь, стражники ему едва по плечо, а они ведь далеко не коротышки, на целую голову его ниже будут.

– Не хотел бы я оказаться в одном помещении с таким уродом, – заметил Финн и тихо крякнул, когда стоявшая рядом Энна ткнула его локтем в бок.

Фло с восторгом и некоторым опасением разглядывала шеши.

— А почему у него на руках и ногах… блестяшки? — спросила она, указывая на массивные металлические кандалы, сковывающие движения ящера.

— Наверное, он преступник, — предположил Жан, подходя ближе и тоже рассматривая пленника. Лицо его было серьезным.

— Преступник? — глаза Фло загорелись нездоровым любопытством, тем самым, что уже проявилось при поимке воришки. — Его казнят? Повесят, как пирата?

Финн хмыкнул.

— Вряд ли. Скорее всего, на каторгу ведут. Работать заставят, пока не помрет.

Энна метнула на мужа укоризненный взгляд. Ну зачем говорить ребенку такие ужасные вещи? Финн, однако, этого не заметил. Его внимание привлекла другая группа людей — десяток имперских гвардейцев, сгрудившихся у самого последнего вагона, явно что-то охраняя.

— А что такое каторга? — не унималась Фло, дергая Жана за рукав.

— Это такое место, милая, — мягко ответил Жан, опускаясь на корточки перед девочкой, — куда отправляют преступников, которых не казнили. Чтобы они там работали и… исправляли свою вину.

Фло на мгновение задумалась, склонив голову набок.

— А-а-а, — протянула она с видом знатока. — Это как мама отправила Хока убирать все листья во дворе, после того как он разбил ту большую синюю вазу!

Энна и Финн невольно переглянулись и вопросительно посмотрели на Гвенду.

Но Гвенде не пришлось отвечать. Резкий, протяжный гудок паровоза заставил всех вздрогнуть. Вслед за ним раздался усиленный рупором голос:

— Поезд на Сиферей отправляется через полчаса! Пассажирам занять свои места! Повторяю, поезд на Сиферей отправляется через полчаса!

— Ну вот, — сказал Жан, поднимаясь. — Пора и нам. Идемте.

Они направились к своему вагону, оставив позади и шеши, и стражников, и расспросы, на которые никто толком не знал ответов…

Юный служащий в зеленой форме, что катил тележку с их багажом, остановился у входа золотой вагон и коротким, пронзительным свистом подозвал кого-то изнутри. Тотчас из темного проема показались двое сирдхов, также одетых в зеленую униформу железнодорожных служащих. Их движения были быстрыми и бесшумными. Не говоря ни слова, они подхватили тяжелый дорожный сундук и объемистый мешок семейства Мале и скрылись внутри вагона. Финн с собственным мешком на плече последовал за ними, Энна и Жан — за ним. Гвенда, бросив последний настороженный взгляд на императорский вагон, шагнула следом, взяв на руки неугомонную Фло.

Внутри вагона их встретил узкий, тускло освещенный коридор. По обеим его сторонам располагались двери купе — по четыре с каждой стороны. Над каждой дверью тускло мерцал газовый фонарь в металлической оплетке — еще одно чудо столичной инженерной мысли, докатившееся и до железных дорог. Между дверями купе виднелись еще более узкие, почти незаметные двери, ведущие, по всей видимости, в каморки для слуг или рабов, сопровождающих своих господ. Справа и слева, в начале и в конце коридора, к верхнему этажу устремлялись две узкие винтовые лестницы. Воздух был спертым, пахло угольной пылью и чем-то неуловимо тревожным.

Все двери купе, мимо которых они проходили, были плотно закрыты, но из-за некоторых доносились приглушенные голоса, детский плач или покашливание. Было очевидно, что вагон уже изрядно заполнен.

— Кажется, нам в самый конец, — пробормотал Жан, сверяясь с билетами и стараясь не задевать локтями стены узкого прохода.

Они миновали последние двери обычных купе и уперлись в гладкую, лакированную деревянную стену, перегораживающую коридор. У стены, преграждая путь, стоял еще один служащий в форме, на этот раз чуть старше и с более строгим выражением лица.

Жан протянул ему билеты. Служащий мельком взглянул на них, затем на разношерстную компанию, и на его лице промелькнуло едва заметное удивление, тут же сменившееся непроницаемой маской. Он молча кивнул и, вынув из кармана небольшой ключ, отпер скрытую в стене дверь.

— Прошу вас, — произнес он бесцветным голосом, распахивая дверь и отступая в сторону.

За дверью открылось пространство, настолько разительно отличавшееся от узкого коридора, что у всех, кроме, пожалуй, невозмутимой Фло, перехватило дыхание. Это было не просто купе. Это были настоящие апартаменты на колесах, занимавшие, по меньшей мере, целую треть вагона. Мягкие диваны, обитые бархатом вишневого цвета, небольшой столик из резного

темного дерева, окна с тяжелыми портьерами, и даже крошечная, отделанная перламутром дверь, ведущая, вероятно, в отдельную уборную. Все здесь дышало роскошью и властью.

Волей самого Халама, или, как едко подумала Гвенда, по злому умыслу его темного лика, им достались места, куда при иных, менее трагических обстоятельствах, их не подпустили бы и на пушечный выстрел. Купе царственной семьи.

Гвенда замерла на пороге. Ее многолетний опыт службы в богатых домах кричал ей, что здесь что-то не так. Такая удача не бывает случайной, особенно в такие времена. Она скорее подозревала происки темной стороны Двуликого, нежели его благоволение.

Но Фло, не обремененная подобными подозрениями, с восторженным визгом уже рванулась внутрь.

— Как красиво! Мама, смотри, тут как во дворце! — она схватила Гвенду за руку и с силой потянула за собой. — Идем же!

И Гвенда, все еще полная дурных предчувствий, но не в силах сопротивляться детскому восторгу и напору, шагнула через порог в золотую клетку.

Служащий, что проводил их в купе, аккуратно поддел пальцем едва заметный выступ в одной из богато отделанных стен и отодвинул в бок потайную панель без единого скрипа, открывая довольно вместительную нишу. Двое сирдхов-носильщиков, появившиеся словно из воздуха, ловко внесли туда дорожный сундук и мешок семейства Мале, после чего так же бесшумно удалились. Финн, немного помедлив, тоже пристроил свой объемистый мешок в угол ниши. Служащий кивнул и так же плавно закрыл панель, которая вновь слилась со стеной, не оставляя и намека на потайное отделение.

Фло, уже освоившись, с радостными криками носилась по просторному купе, заглядывая под диваны, пытаясь отодвинуть тяжелые портьеры и с любопытством рассматривая позолоченные светильники.

— Добро пожаловать на борт Южного Императорского Экспресса, — произнес служащий, слегка поклонившись. Теперь, когда первоначальное удивление от их появления прошло, его лицо вновь обрело выражение профессиональной любезности. — Меня зовут Серил, я начальник этого состава. От имени Императорских Рельсовых Дорог желаю вам приятного и спокойного путешествия, – вся эта явно заученная речь звучала абсолютно неуместной этим утром, но он, казалось, не заметил этого. Серил указал на шелковый шнур с кисточкой, свисавший у двери. — Если у высокочтимых пассажиров возникнут какие-либо вопросы или пожелания, прошу вас позвонить в этот колокольчик. Я или один из моих помощников немедленно явимся и с радостью окажем любую посильную помощь. Как только поезд тронется, вам будут предложены горячий тэй из предгорий Бостима или ароматный кафаш из южного Кхашара.

Серил еще раз поклонился и, пятясь, вышел, тихо притворив за собой дверь.

Жан задумчиво потер подбородок. Тэй из Бостима и кафаащ из Кхашара… Будучи торговцем, он прекрасно знал цену этим напиткам. Это были не те дешевые сорта, что подавали в городских трактирах или продавали на рынках для простолюдинов. Это были изысканные, дорогие напитки, достойные стола самого императора.

Тем временем Фло, обнаружив, что бархатные диваны удивительно упруги, вскарабкалась на один из них и принялась весело подпрыгивать, взвизгивая от восторга.

— Осторожно, пташка! — Жан с деланым испугом подхватил хохочущую девочку на руки, пока она не успела опрокинуть резной столик или, чего доброго, разбить один из дорогих светильников. — Это тебе не батут на ярмарке.

Гвенда молча наблюдала за этой сценой, и в ее душе крепла неприятная догадка. Такое «везение» — императорское купе, дорогие напитки, подчеркнутая услужливость персонала — все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Кто-то явно позаботился о том, чтобы они оказались именно здесь. И эта мысль ей очень не нравилась. Она оглядела купе еще раз. Десять мягких мест. Неужели они будут здесь одни? Или их ждут еще какие-то «случайные» попут-

чики? Она предпочла промолчать, не желая портить Жану его наивную радость или пугать остальных своими подозрениями. По крайней мере, пока.

Не прошло и пяти минут, как в дверь купе деликатно постучали. Это снова был Серил.

— Прошу прощения за беспокойство, высокочтимые, — произнес он с легким извиняющимся поклоном, приоткрывая дверь. — К вам еще двое попутчиков. Места в поезде закончились, и нам пришлось разместить еще двух путешественников в вашем купе.

И виновато развел руками.

За его спиной виднелись две фигуры. Первым в купе шагнул юноша лет девятнадцати, ничем особо не примечательный. Обычный студент или ученик какой-нибудь столичной академии – простое, но опрятное дорожное платье, коротко стриженные русые волосы и несколько наивное выражение лица. За правым плечом у него висел небольшой, но туго набитый дорожный мешок.

Следом за ним, слегка пригнувшись в дверном проеме, вошел старик, и вот он-то сразу привлек к себе всеобщее внимание. Старым он, пожалуй, лишь хотел казаться. Голова его была покрыта густыми седыми волосами, по-смешному растрепанными, словно он только что проснулся после долгой дороги или попал под сильный ветер. А вот длинные, холеные усы, лихо закрученные книзу и спускавшиеся ниже подбородка, были абсолютно белыми, что придавало его лицу одновременно и мудрости, и какой-то неуловимой хитринки. В руке он держал длинный, гладко отполированный посох из темного дерева, увенчанный резной головой какой-то птицы, хотя опирался он на него скорее для вида, чем по необходимости — движения его были на удивление легкими и уверенными.

Одежда старика когда-то была дорогой и сшитой из высококачественной ткани, но время и дороги изрядно ее потрепали. На добротном сером плаще, подбитом чем-то темным, виднелись две аккуратные, но заметные заплатки. Из-за спины, из видавшего виды дорожного мешка, туго перетянутого ремнями, выглядывал конец какого-то деревянного инструмента — не то дудки, не то флейты.

Не успели взрослые толком опомниться от появления новых пассажиров, как Фло, с присущей ей непосредственностью, подскочила к старику. Ее глаза блестели любопытством.

— А вы менестрель? — звонко выпалила она, бесцеремонно разглядывая дудку, торчащую из его мешка, и посох.

Старик, глаза которого весело блеснули из-под седых бровей, усмехнулся в свои роскошные усы.

— А ты когда-нибудь видела настоящего менестреля, дитя мое? — спросил он в ответ, его голос был низким и чуть скрипучим, как старое дерево.

Фло энергично замотала головой.

— Не-а. Но мне Хок про них рассказывал! Они поют песни и играют на дудочках! И еще у них смешные шляпы! — Она с ожиданием посмотрела на растрепанную шевелюру старика, явно разочарованная отсутствием шляпы.

Серил тихо вышел, прикрыв за собой дверь купе.

— Фло! — Гвенда, наконец, пришла в себя и шагнула вперед. Щеки ее слегка покраснели. — Прошу прощения, домине. Она порой бывает… такой неугомонной.

Старик обернулся к Гвенде, и его взгляд, на мгновение ставший серьезным, смягчился.

— Ну что вы, домина, не стоит извиняться, — произнес он, слегка склонив голову. — Детская любознательность — это дар богов, которого не нужно стесняться. Все мы когда-то были такими, не правда ли? Пытливыми и открытыми миру.

Гвенда сухо кивнула.

Стоявшая рядом Энна с неудовольствием отметила про себя упоминание «богов» во множественном числе. Явный еретик или, в лучшем случае, старовер, придерживающийся древ-

них, почти забытых культов. Что, по ее мнению, было практически одним и тем же и уж точно не предвещало ничего хорошего в столь сомнительной компании.

Старик снова повернулся к Фло, и в его глазах заплясали озорные искорки.

— Ну раз мое инкогнито так быстро раскрыто, — он театрально развел руками, опираясь на посох, — разрешите представиться! Я — личный менестрель ее величества Амариллы, феи-бабочки, верховной повелительницы всех солнечных лугов и благоухающих цветов. — Он сделал еще один шутливый поклон. — С кем же я имею честь говорить, юная принцепина?

При этих словах Гвенда едва заметно напряглась, что не ускользнуло от взгляда старика.

Фло звонко рассмеялась, явно оценив игру.

— Я Фло! — гордо заявила она, выпятив грудь. — И когда я вырасту, я стану капитаном пиратов! У меня будет самый большой корабль и сто пиратов!

— Капитан Фло! — Старик сделал вид, что поражен. — Какая честь! И это, должно быть, ваш корабль? — он обвел рукой роскошное купе.

Девочка серьезно кивнула, не сводя с него восторженных глаз.

– Ага. Вон там – капитанский мостик, – указала на кресло, с которого ее недавно снял Жан. – А там – каюта.

– Прекрасно, – кивнул старик. – Слышал я как-то одну историю… про девочку-пирата, что путешествовала не на корабле, а на поезде.

Фло открыла рот.

– Это было давно, – начал он. – В стране, где поезда были длиннее драконов, и быстрее ураганов. Жила-была девочка, у которой был деревянный меч, лягушка в кармане и карта с сокровищами, которую никто, кроме нее, не мог понять.

– А лягушка была настоящая? – спросила Фло, хихикая.

– Конечно! – кивнул старик. – Ее звали Грак. Она умела квакать на трех языках: людском, жабьем и королевском. И однажды капитан Фло – так ее, кстати, тоже звали – узнала, что прямо в поезде спрятан сундук с волшебными пирожками, которые делают человека невидимым. И тут…

– Что? – зашептала Фло.

–…и тут поезд переехал мост, а пирожки… исчезли. Прямо как невидимые. Но! – старик поднял палец. – Храбрая капитан не сдалась. Она нашла их по запаху, потому что у нее был нос тоньше даже, чем у придворной собаки герцога Булды. И все, конечно, закончилось пиром.

– А Грак?

– Она съела слишком много пирожков и пропала. До сих пор ее ищут. Если услышишь кваканье – дай знать.

Фло заливисто рассмеялась.

Жан, Финн и Гвенда невольно улыбнулись. Даже у Энны в уголке губ что-то дрогнуло, но взгляд ее остался настороженным. Старик был слишком… свободен. Слишком артистичен. Слишком чужд.

– Не нравится мне этот старик, – прошептала она на ухо Финну.

– Нормальный старикан, – ответил тот.

И никто из них не заметил всеми забытого юношу, который усмехнулся, сидя позади них и явно слышавший их замечания.

Идиллию прервал нарастающий шум и какие-то приглушенные возгласы, доносившиеся из коридора за дверью купе. Жан, оказавшийся ближе всех к выходу, осторожно приоткрыл дверь. Первое, что ударило по ушам, был чей-то громкий, возмущенный голос:

— …мы заплатили три полновесных солара за эти места! Три! И вы смеете говорить, что…

В коридоре, освещенном тусклым светом газовых фонарей, виднелись уже знакомые двое Стражей Солнца в желто-белых накидках с солнцем на груди. Между ними, едва помеща-

ясь под низким потолком, возвышался огромный шеши. Его затылок почти касался крыши вагона. Кандалы на его руках позвякивали при каждом шаге, а взгляд, полный холодной ярости, скользнул по купе.

Перед ними стоял Серил, начальник состава, и вид у него был крайне обеспокоенный.

— Я понимаю ваше недовольство, почтенные, — пытался успокоить стражников Серил, — но поймите и меня. Впустить *его* сюда… — он неопределенно махнул рукой в сторону шеши, явно не решаясь указать прямо, — я не могу. Это купе для высокочтимых пассажиров, а не для…

Напряжение в воздухе стало почти осязаемым. Даже Фло, обычно не обращавшая внимания на взрослые перепалки, притихла и крепче прижалась к Гвенде, которая инстинктивно обняла девочку, крепко сжав ее плечи и заслоняя от возможной опасности.

Ситуацию неожиданно разрядил старик. Он шагнул к двери, легко отстранив Жана, и его голос, все такой же спокойный, но с новыми, властными нотками, прозвучал на удивление громко:

— Почтенный Серил, если за билеты уплачено, и они для этого вагона, то какие могут быть вопросы? Пусть проходят. Места, как я вижу, еще есть.

Никто не возразил. Стражники переглянулись, Серил помедлил, его губы сжались в тонкую линию, тяжело вздохнул и неохотно посторонился, пропуская внутрь необычную троицу.

Двое Стражей Солнца, стараясь не задевать дорогую обивку, протиснулись в купе и заняли два кресла у окна. Шеши, двигаясь на удивление грациозно для своих размеров и сковывающих его кандалов, опустился на диван между ними. При этом он издал тихий шипящий звук, похожий на вздох.

Когда все расселись, и неловкая тишина повисла в купе, старик обвел всех присутствующих цепким взглядом и с легкой усмешкой произнес:

— Ну вот. Теперь, кажется, все в сборе.

Гвенда, чьи подозрения лишь усилились, не выдержала:

— Что вы имеете в виду?

Старик невинно развел руками, и его белые усы комично дрогнули.

— Да ничего особенного, домина. Мест десять, и нас теперь ровно десять. Разве не так?

Энна, не удержавшись, легонько пихнула Финна локтем и с лукавой улыбкой прошептала ему на ухо, достаточно громко, чтобы ее услышали и остальные:

— Кажется, Хамал, сегодня особенно внимателен к твоим желаниям, – намекнула она на его слова возле вагона.

Финн лишь смущенно кашлянул, стараясь не встречаться взглядом ни с женой, ни, тем более, с огромным шеши.

В этот момент снаружи снова раздался пронзительный гудок паровоза, а затем усиленный рупором голос на платформе объявил:

— До отправления поезда на Сиферей остается четверть часа! Просьба провожающим покинуть вагоны!

* * *

В то самое время, когда в роскошном купе императорского вагона смешивались судьбы и предчувствия, на другом конце длинного состава, в последнем вагоне, царила совершенно иная атмосфера. Снаружи он был помечен потускневшей эмблемой императорской почтовой службы — грифон, сжимающий в лапе свиток, — но его нынешнее содержимое не имело ничего общего с письмами или посылками.

Это был вагон старой модели, вместо новомодных газовых фонарей здесь чадили масляные светильники, подвешенные к низкому потолку. Их желтый, коптящий свет едва разго-

нял мрак, и предусмотренные в крыше дымоходы справлялись со своей задачей из рук вон плохо — воздух был тяжелым и пропитанным запахом горелого масла и чего-то еще, неуловимо затхлого.

Внутри не было ни купе, ни мягких кресел. Только лавки вдоль стен, обитые грубой кожей, и массивный железный ящик с рельефными ручками по бокам, который стоял в центре, занимая почти половину вагона. Судя по весу, поднять его могли только четверо крепких мужчин или пара сирдхов.

На лавках, небрежно откинувшись, сидели три десятка гвардейцев в ало-золотых мундирах. Некоторые перекидывались фразами, кто-то сверял амуницию, кто-то молча жевал сухари. Лишь один человек не сидел – декурион Кройцвальд. Он мерил шагами вагон взад и вперед, явно раздраженный.

– Где носит этого Хартвика? – рявкнул он, останавливаясь перед дверью, будто там могла скрываться разгадка. – Новый, а уже опаздывает! Проклятый мальчишка!

– Он, может, целуется с какой-нибудь торговкой на платформе, – вкинул весело Эндрик, подтягивая ремень с кинжалом. – Или, глядишь, уже женился. Что скажешь, Леофрик, не боишься соперника в охоте за девичьими платочками?

Леофрик, известный модник и сердцеед отряда, даже не удостоил Эндрика взглядом. Он был занят куда более важным делом — тщательно расчесывал свои безупречные темные волосы маленьким гребешком из слоновой кости.

— Никакой озерник мне не соперник, — процедил он наконец, небрежно поправляя идеально завязанный шейный платок. Озерниками в столице презрительно называли жителей северного Стольмгара, откуда и был родом Хартвик.

Смех прокатился по вагону, гулкий и облегченный, как бывает у тех, кто не знает, сколько именно вернется назад.

Кройцвальд не смеялся. Он сердито нахмурился и процедил:

– Волчий сын, рожденный под луной… – И плюнул на пол, как бы изгоняя дурное предзнаменование.

Седовласый Этельбальд, самый старший и опытный гвардеец в отряде, сидевший чуть поодаль и до этого молча наблюдавший за сценой, удивленно приподнял бровь. «Волчий сын, рожденный под луной» — это было старинное, почти забытое крестьянское ругательство, обозначавшее незаконнорожденного и приносящего несчастья. Странно было слышать такое из уст столичного вельможи, коим, несомненно, был декурион.

— Ставлю пять бронов, что он все-таки опоздает! — вдруг выкрикнул Освин, маленький, юркий гвардеец, известный своей страстью к любым пари. Но его слова, как обычно, потонули в общем шуме. На азартные предложения Освина давно уже никто не обращал внимания, зная, что он почти всегда проигрывает, но упорно продолжает испытывать судьбу.

Беорн – большой, молчаливый, с руками, как у кузнеца, – привычно сидел, натачивая свой меч. Скрежет железа о камень зловеще звучал в замкнутом пространстве. Кройцвальд дернулся, его лицо покраснело.

– Прекрати этот шум, Беорн! – рявкнул он. – У меня и без того голова раскалывается!

Беорн даже не поднял глаз, продолжая водить точильным камнем по лезвию с методичной точностью.

— Успокойся, декурион, — неожиданно произнес Сенрик, обычно самый молчаливый из всех гвардейцев. — Придет твой Хартвик. Куда он денется с этого поезда?

Все на мгновение удивленно замолчали. Сенрик редко произносил больше двух-трех слов подряд, и такая длинная тирада была для него чем-то из ряда вон выходящим.

– Вот-те на, Сенрик заговорил, – хмыкнул Эндрик. – Что дальше? Беорн споет?

Снова прокатился смех – легче, шумнее. Даже Кройцвальд усмехнулся краем рта, но быстро вернул себе строгость. Он взглянул на дверь вагона, как будто хотел прожечь ее глазами.

Тут в проеме показался Хартвик, запыхавшийся и раскрасневшийся. Его ало-золотой мундир был слегка помят, а волосы растрепаны. Он влетел внутрь, тяжело дыша, и тут же выпалил:

– Прошу прощения, декурион! Задержался на платформе…

Кройцвальд, уже и без того раздраженный, резко повернулся к нему, его глаза полыхнули гневом.

– Задержался?! – рявкнул он, шагнув ближе. – Ты опоздал, щенок! Мы здесь охраняем груз, от которого зависит судьба Империи, а ты где-то шатаешься! Еще одно нарушение дисциплины, Хартвик, и я лично исключу тебя из гвардии! Клянусь Халамом, будешь чистить конюшни до конца своих дней!

Хартвик понуро опустил голову, пробормотав:

– Да, декурион… Больше не повторится…

Он побрел к одной из лавок, тяжело опустив плечи, но не успел сделать и пары шагов, как случайно налетел на раба-сирдха, которого до этого никто не замечал. Сирдх, худощавый и бледный, с длинными белыми волосами, заплетенными в косу, пошатнулся и рухнул на пол. Его желтые глаза мигнули, но он не сказал ни слова.

Хартвик, все еще кипя от обиды, сорвался.

– Смотри, куда идешь, бледнокожий! – прорычал он, сжав кулаки. Он наклонился, словно собираясь плюнуть на сирдха, но в последний момент передумал, выпрямившись с презрительной гримасой.

Вагон погрузился в гнетущую тишину. Гвардейцы молчали, кто-то отвел взгляд, кто-то нахмурился. Даже скребущая меч рука Беорна замерла в воздухе. Никто не заметил, как другой сирдх, стоявший у стены, сжал кулаки и дернулся в сторону Хартвика, его глаза полыхнули яростью. Но третий сирдх, старший и более сдержанный, едва заметным движением положил руку на плечо товарища, останавливая его.

Этот момент не ускользнул от примериона Шетенхенда, который как раз вошел в вагон по узкому мостику, соединяющему вагоны. Мостик был подъемным – если его убрать, последний вагон превращался в маленькую крепость с амбразурами для стрельбы из арбалетов, которые лежали в углу, аккуратно сложенные рядом с болтами. Шетенхенд, высокий и широкоплечий, с суровым лицом, шагнул внутрь, его тяжелые сапоги громко стукнули о деревянный пол.

Кройцвальд тут же выпрямился и гаркнул:

– Смирно!

Гвардейцы вскочили с лавок, вытянувшись в струнку, даже Хартвик, все еще красный от стыда, последовал команде. Сирдхи замерли у стен, опустив головы. Шетенхенд окинул всех холодным взглядом и коротко бросил:

– Вольно.

Мужчины расслабились, но напряжение в воздухе осталось. Примерион шагнул к центру, бросив взгляд на железный ящик, и спросил:

– Все ли на месте?

– Так точно, примерион, – отчеканил Кройцвальд, стараясь скрыть раздражение. – Все тридцать, плюс шестеро рабов для работы.

Шетенхенд кивнул.

– Закрыть все двери, – приказал он.

Сирдхи, повинуясь, молча двинулись к дверям, задвигая тяжелые засовы. Один из них, тот самый, что сжал кулаки, бросил быстрый взгляд на Хартвика, но тут же опустил глаза.

Вулфрик, по прозвищу «Горб» из-за сутулой спины, пробормотал себе под нос, глядя на закрывающиеся двери:

– Гробница готова…

— Чего печалишься, Горб? — мрачно усмехнулся Эндрик. — Ты тут считай, что дома. Уютно, темно, и выход только один — под Луну.

В этот момент вагон ощутимо дернулся, затем еще раз, сильнее. Снаружи послышался нарастающий лязг и шипение пара. Поезд тронулся с места. Шетенхенд, стоя у ящика, положил руку на его холодную поверхность, и его взгляд стал тяжелым, словно он знал, что ждет их впереди.

Глава 3
Чашки и судьбы

Поезд плавно катился по предместьям Терантиса, оставляя позади шумный вокзал и его хаос. За окнами мелькали роскошные виллы столичной знати и состоятельных горожан – белокаменные особняки с колоннами, утопающие в зелени садов, и высокие кованые заборы, за которыми прятались статуи и фонтаны. Утреннее солнце, уже поднявшееся над горизонтом, отражалось в мраморных фасадах, создавая иллюзию спокойствия и величия – иллюзию, которую разрушала тень надвигающегося мятежа.

В императорском купе воцарилась тишина, тяжелая и напряженная. Стук колес, отбивающий монотонный ритм, лишь подчеркивал это молчание. Пассажиры сидели, погруженные в свои мысли, искоса поглядывая друг на друга.

Единственным, кто, казалось, не замечал напряжения, была Фло. Девочка ерзала на диване, то подскакивая, чтобы выглянуть в окно, то теребя свой игрушечный меч.

Дед порылся в складках своей старой куртки и достал небольшой полотняный мешочек. Развязал шнурок, и в воздухе тут же расползся сладковато-пряный аромат – теплый, густой, совсем не похожий на привычные запахи трактира. Он вытряхнул на ладонь несколько темных, неровных кусочков и один отправил в рот, медленно, вдумчиво разжевывая.

Фло тут же насторожилась, вытянула шею и шумно втянула носом воздух.

– А это что так пахнет? – спросила она, сползая с дивана поближе.

Дед усмехнулся краешком губ.

– Сушенные сладости. Шаэль называются. Их делают далеко отсюда. За Океаном Туманов, на западе.

Он посмотрел на девочку и, после короткой паузы, протянул ей один кусочек.

– Хочешь попробовать?

Фло осторожно взяла угощение, понюхала, затем решительно сунула в рот… и тут же сморщилась.

– Оно твердое! – возмущенно заявила она. – Его невозможно кусать!

– А его и не надо кусать, – спокойно ответил Дед. – Его жуют. Долго.

– Зачем долго? – с подозрением спросила Фло, перекатывая сладость во рту.

Дед чуть прищурился, будто подбирая слова.

– Чтобы мысли не разбегались. – сказал он, решительно заработав челюстями. – Помогает сосредоточиться. И думать.

Фло задумалась, продолжая жевать, и это зрелище было настолько серьезным, что Дед едва сдержал смешок.

В этот момент к ним подошел Жан. Он замер, втянул носом воздух и кивнул, узнавая запах.

– Вот уж не ожидал снова его почуять, – сказал он. – Когда-то я такими торговал.

Он покачал головой.

– Не пошли. Люди любят, чтобы сладко и сразу. А тут – ждать надо.

Дед поднял на него взгляд.

– Потому и не пошли, – тихо сказал он. – Люди ныне все спешат куда-то вместо того, чтобы сесть и подумать хоть немного.

– И не говорите, – вздохнул Жан и присел напротив деда.

– И давно это было? – спросил Дед.

– Простите? – спросил Жан, явно погруженный в свои мысли.

– Когда вы торговали шаэлем.

Жан на миг замер, моргнул, будто не сразу понял, что услышал. Затем его лицо озарила улыбка, и он рассмеялся – мягко с оттенком доброй ностальгии.

– О, это было лет… семь, а может, восемь назад.

– Случаем, это не была лавка некого Жана Мале на Западном Рынке? – поинтересовался старик.

— Ха! — воскликнул он, все еще посмеиваясь. — Я и есть тот самый Жан Мале! Только теперь я не торгую в той старой лавке. С партнерами у нас теперь несколько лавок на четырех из шести рынков столицы.

Старик изумленно приподнял седые брови.

— Вот так встреча, – хмыкнул старик. – Что ж, поздравляю, домине Мале. Значит, дела ваши пошли в гору.

– Постепенно, – кивнул Жан, все еще улыбаясь.

Гвенда тихонько кашлянула, и Жан, словно очнувшись от приятных воспоминаний, смущенно улыбнулся.

— Ах, да, простите мою болтливость. Позвольте представить вам мою супругу, Гвенду, — он указал на жену, которая лишь коротко кивнула, не выказав особого дружелюбия. — И нашу дочь, Фло, которую, впрочем, вы и так уже все знаете, — усмехнулся он, глядя на девочку, которая с интересом разглядывала новых попутчиков.

— Я Энна, — опережая Жана, представилась девушка, приветливо улыбнувшись. — А это мой муж, Финн.

Финн коротко кивнул, смерив старика и юношу изучающим взглядом.

Все взгляды теперь обратились к старику. Тот театрально кашлянул в кулак.

— Что ж, раз уж пошли официальные представления… Можете звать меня просто Дед, — он усмехнулся в свои роскошные усы. — А это, — он кивнул на юношу, который до сих пор молча сидел у окна, — Внук.

— Дед? — удивленно переспросила Гвенда, ее брови поползли вверх.

– Хм, – хмыкнул Финн, – удобное имя. Не забудешь.

— Дед Сияш? — неожиданно звонко спросила Фло, подбегая к старику и заглядывая ему в лицо.

Впервые с момента их появления юноша подал голос.

— Тей'Миалан, — тихо, но отчетливо произнес он, будто отвечая на взаимные вопросительные взгляды. — Так сирдхи называют доброго духа, который приносит сладости и маленькие подарки послушным детям. Люди его зовут Дедом Сияшем.

Гвенда нахмурилась еще сильнее, услышав упоминание сирдхских духов, а Энна быстро осенила себя знаком разорванного пополам круга. Старик бросил на юношу едва заметный, но строгий взгляд, отчего тот слегка смутился и опустил глаза.

— А откуда ты знаешь про Деда Сияша, капитан Фло? — спросил старик, вновь обращаясь к девочке с прежней добродушной улыбкой.

– Мне Хок рассказывал! — с гордостью заявила Фло. — Он говорил, что если я буду хорошо себя вести, Дед Сияш принесет мне медушку! А еще… — она заговорщицки понизила голос, — я уже большая и знаю, что это сам Хок клал мне конфетку под подушку. Он думал, я не догадаюсь!

Все невольно посмотрели на Гвенду. Та поджала губы и, видя выжидающие взгляды, неохотно пояснила:

– Хок – старый сирдх. Он частенько присматривал за Фло и играл с ней, когда мы жили в Терантисе.

Дед удовлетворенно кивнул, словно кусочки какой-то мозаики складывались у него в голове. Затем он перевел взгляд на двух Стражей Солнца, до этого молча и неподвижно сидевших в углу купе.

— Ну а вы, доблестные воины, как прикажете вас величать? — его тон был вежлив, но в глазах мелькнула лукавая искорка.

Стражники переглянулись. Первым ответил тот, что сидел ближе к двери, — широкоплечий, с обветренным лицом и выгоревшими на солнце волосами, заплетенными в тугую косу, как это было принято у степняков.

— Боро, — коротко бросил он с типичным шепелявым говором, присущим всем жителям степей.

Голос его был низким и немного хриплым.

— Тарга, — отозвался второй, помоложе, с более резкими чертами лица и цепким взглядом темных глаз.

Их имена и характерная внешность — узкие раскосые глаза и приплюснутые носы — не оставляли сомнений — оба были из Аррайской степи. Это было несколько неожиданно. Жители степей славились своей привязанностью к родным кочевьям и неохотно покидали их, тем более ради службы в церковной страже, которую многие из них недолюбливали за искажение веры, как они утверждали, в Двуликого Халама.

Дед перевел взгляд на огромного шеши, который до сих пор сидел неподвижно, словно изваяние из темного камня, лишь его угольно черные глаза внимательно следили за происходящим.

— А ваш грозный спутник, почтенные стражи, удостоит нас своим именем?

Шеши долго молчал. Его грудь медленно вздымалась и опускалась. Наконец, он издал низкий, рокочущий звук, и из его рта вырвалось одно-единственное слово, похожее на треск сухого дерева:

— Крак.

Прозвучало это настолько неожиданно и, по мнению некоторых, комично, что Жан и Финн с трудом сдержали улыбки, а Энна прикрыла рот рукой. Гвенда лишь неодобрительно поджала губы. А вот Фло, не обремененная взрослыми условностями, звонко рассмеялась.

— Крак! — повторила она, хлопая в ладоши. — Какое смешное имя! Крак-крак, как ящерка! А Хок мне рассказывал, что у всех ящериц язык раздвоенный! А у тебя тоже, Крак? Покажи!

Взрослые напряглись. Даже Дед на мгновение перестал улыбаться. Стражи Солнца инстинктивно положили руки на эфесы своих мечей. Назвать шеши «ящерицей» было страшным оскорблением, из-за которого, как гласили предания, не раз начинались кровавые войны между кланами пустынников.

Крак медленно повернул свою массивную голову к девочке. Его глаза сузились, и суровый взгляд впился в улыбающееся личико Фло. В купе повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь стуком колес. И вдруг шеши издал звук, похожий на грохот обвала в горах. Это был смех — громкий, утробный, сотрясающий все его огромное тело. Он смеялся так, что люди в соседних купе, вероятно, испуганно прислушивались к непонятным звукам.

— Забавный шак-кари, — пророкотал Крак, когда отсмеялся, и в его голосе слышались нотки неподдельного удивления.

Все вопросительно посмотрели на Внука, который, казалось, единственный мог пролить свет на это странное слово.

— Шак-кари на языке Шэс-схи, — он тщательно выговорил самоназвание народа ящеров, — это… пескохвост. Такой зверек… э-э-э… похожий на мангуста. Они очень любопытные и смелые. Шэс-схи иногда держат их как домашних питомцев.

Крак снова издал короткий рокочущий звук, который, видимо, означал подтверждение. Затем, к всеобщему удивлению, он медленно высунул язык. И действительно, его темно-красный, почти черный язык был раздвоен на самом кончике, словно его аккуратно надрезали ножом.

Энна и Гвенда одновременно поморщились от отвращения. Фло же, напротив, пришла в неописуемый восторг.

— Ой, как здорово! — воскликнула она, подпрыгивая на месте. — А мне можно так же сделать?

Гвенда в ужасе прижала руку ко рту.

– Фло!

Крак снова посмотрел на девочку, и в его черных глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Шак-кари еще не заслужила, — пробасил он.

— А как заслужить? — тут же спросила Фло, не унимаясь.

Крак медленно наклонил свою огромную голову к девочке, так что их лица почти соприкоснулись. Лязгнули цепи.

— Убить много врагов, — прошептал он так, что в купе стало совсем тихо.

Не успела напряженная тишина рассеяться, как в дверь купе снова раздался осторожный стук. Вошел Серил, начальник состава, с заискивающей улыбкой.

— Прошу прощения, если помешал высокочтимым гостям, — произнес он, кланяясь. — Но я принес обещанный тэй и кафаш.

Он посторонился, пропуская вперед молодую рабыню-сирдху с небольшой, изящно сервированной тележкой, на которой стояли дымящийся кувшины и несколько расписных фарфоровых чашек.

— О, это как нельзя кстати! — оживился Дед. — После таких волнующих знакомств глоток горячего тэя — то, что нужно. Будьте добры, милая.

Рабыня-сирдха, молчаливая и грациозная, как тень, налила в протянутую стариком чашку полупрозрачную дымящуюся жидкость насыщенного бронзового цвета.

— Наш лучший тэй, господа! — расхваливал Серил, явно привирая и стараясь произвести впечатление. — Самые нежные листочки были собраны на рассвете нежными пальчиками сирдхских девственниц на высокогорных плантациях Аритии, что за Океаном Туманов! Высушен на утреннем солнце и хранит в себе дыхание самой жизни! Ведь «тэй» на языке древних сирдхов и означает «жизнь».

Энна и Финн вежливо, но твердо отказались от чуждого им напитка. Внук, последовав их примеру, тоже покачал головой.

— А мне, будьте любезны, кафашу, — попросил Жан.

Сирдха налила ему в маленькую, почти игрушечную чашечку угольно-черный, густой напиток, источавший терпкий аромат.

— И кафаш у нас отменный! — не унимался Серил. — Сварен из отборных зерен, обжаренных и смолотых в долине реки Кай-да-Шир, в окрестностях славного города Кхашара, что в южных землях «Кафа-ащ» на языке доблестных шеши означает «горькие ягоды»!

Гвенда, немного помедлив, попросила себе тэя. Боро и Тарга, стражи Солнца, молча отказались от обоих напитков, продолжая неподвижно сидеть на своих местах. Крак же, не дожидаясь вопроса, протянул свою огромную закованную в кандалы руку и коротко бросил:

— Кафа-ащ.

Когда напитки были разлиты, и сирдха бесшумно удалилась вместе с тележкой, Крак первым поднес чашку к своим губам. Он сделал небольшой глоток, его черные глаза на мгновение сузились, а затем он резко выплюнул содержимое прямо на дорогой ковер, покрывавший пол купе.

— Кхрр! Это не кафа-ащ! — прорычал он, и в его голосе слышалось неподдельное возмущение. — Это моча убугу!

Фло, наблюдавшая за этой сценой с широко раскрытыми глазами, заливисто рассмеялась.

– Что такое убугу? – спросила она, не понимая, что происходит.

– Это животное, которое пахнет, как болото и ест, как свинья, – объяснил Дед, сдерживая улыбку.

— А разве мочу можно пить? — спросила она, подбегая к Гвенде. И, не дожидаясь ответа, со словами: — Я тоже хочу попробовать мочу! — схватила чашку с тэем у ничего не подозревающей Гвенды и, набрав полный рот, тут же со смехом выплюнула все на тот же многострадальный ковер.

— Флориция! — вскрикнула Гвенда, ее лицо вспыхнуло от смущения.

Девочка недоуменно посмотрела на взрослых, явно не понимая, что такого ужасного она сделала. Впрочем, кроме Гвенды, никто, казалось, не был особенно зол. Внук и Энна с трудом сдерживали улыбки, Финн откровенно посмеивался, Дед тихо усмехался в свои роскошные усы, и даже на суровых лицах стражей Солнца мелькнуло подобие улыбки. Крак снова раскатисто расхохотался, да так, что вагон, казалось, задрожал.

Жан поначалу тоже улыбнулся, но, поймав строгий взгляд жены, тут же посерьезнел.

— Фло, пташка моя, — сказал он, стараясь придать голосу строгость, — не надо больше так делать. Это нехорошо.

— А почему? — надула губки девочка. — Краку можно, а мне нельзя?

— Потому что воспитанные девочки так не поступают, — терпеливо объяснил Жан.

— А я не хочу быть воспитанной девочкой! — топнула ножкой Фло. — Я буду пиратом! А пиратам все можно!

— Даже пиратам не все можно, — вздохнул Жан. — И потом, ты же капитан, верно? А капитан должен подавать хороший пример своей команде. Представь, что будет, если все на твоем корабле начнут плевать на палубу? Будет очень грязно и некрасиво.

Фло на мгновение задумалась, наморщив лобик.

— Наверное, ты прав, папа, — наконец согласилась она. — Грязно — это нехорошо.

Дед, наблюдавший за этой сценой с неизменной усмешкой, обратился к Внуку:

— А не покажешь ли ты, юный друг, нашему отважному капитану Фло тот самый фокус, о котором мы говорили? Чтобы скрасить долгое путешествие.

Внук, до этого момента сидевший тихо и незаметно, слегка вздрогнул от неожиданности. Он бросил быстрый взгляд на Деда, в его глазах мелькнуло замешательство, но он тут же понял, о чем идет речь.

— Фокус? — он посмотрел на Фло, и на его лице появилась робкая улыбка. — Хочешь, я покажу тебе фокус, капитан?

Фло тут же забыла про испорченный ковер и свои пиратские принципы.

— Хочу! Хочу! — запрыгала она на месте. — А какой? С исчезновением? Или с летающими платочками? Хок мне показывал, как платочек летает!

— Ну, почти, — улыбнулся Внук. Он поднялся и подошел к окну, поманив девочку за собой. — Смотри внимательно.

Он достал из кармана простую медную монетку, показал ее Фло со всех сторон, затем зажал в кулаке. Что-то прошептал, дунул на кулак и… раскрыл ладонь. Монетка исчезла. Фло ахнула. Внук хитро подмигнул и вдруг вытащил монетку у нее из-за уха. Девочка взвизгнула от восторга и захлопала в ладоши. Внук, ободренный успехом, показал еще несколько простых, но забавных фокусов с монеткой, веревочкой и даже с собственными пальцами, которые то исчезали, то появлялись в самых неожиданных местах. Фло была в полном восторге, и ее звонкий смех наполнил купе, немного разрядив напряженную атмосферу.

Серил все это время стоявший у двери, находился в крайнем замешательстве. Его лицо выражало целую гамму чувств — от ужаса при виде испорченного ковра до растерянности от реакции пассажиров.

— Я… я прошу прощения, высокочтимые, — залепетал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Меня уверяли… поставщик клялся, что кафаш самый настоящий, с южных плантаций… лучший во всей Империи… Я немедленно…

Дед, отхлебнув из своей чашки, прервал его жестом.

— Успокойтесь, почтенный Серил. Тэй, — он сделал еще глоток, — просто восхитителен. Полагаю, и кафаш ваш ничуть не хуже.

Серил попытался еще что-то сказать, но под спокойным, но твердым взглядом старика умолк. Дед перевел взгляд на Крака, который с мрачным видом разглядывал свою чашку.

— А что до нашего… ценителя, — продолжил Дед с легкой усмешкой, — полагаю, он так долго находился среди людей и пил всякую дрянь, выдаваемую за кафаш, что его утонченный вкус слегка… отвык от настоящего напитка. Не так ли, почтенный Крак?

Пару мгновений они молча смотрели друг на друга — огромный, закованный в кандалы шеши и старик с хитрыми глазами. Затем Крак издал короткий, гортанный рык.

— Пить можно, — пробасил он, наконец. — Не помру.

Серил сокрушенно посмотрел на два темных пятна на дорогом ковре.

— Я… я сейчас пришлю пару девушек-сирдх, они постараются оттереть…

Энна, до этого молчавшая, покачала головой.

– Зачем заставлять бедных девушек делать бесполезную работу? Ковер уже не оттереть. Пусть лучше заменят его ночью, когда мы будем наверху. Если, конечно, такая возможность имеется.

Серил с благодарностью посмотрел на Энну.

— Разумеется, домина. Все будет сделано.

Он еще раз низко поклонился, пожелав путникам хорошей дороги, и поспешно вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Все вернулись к своим напиткам. Даже Крак, хоть и без особого восторга, медленно допил свой кафаш. Дед сделал еще один глоток тэя и очень тихо, скорее самому себе, чем кому-то конкретно, произнес:

— Начало положено.

Финн, сидевший рядом, уловил эти слова. Он скосил взгляд на старика, с которым еще не обменялся и дюжиной слов, и вдруг осознал, что не боится его. Наоборот. От этого человека веяло странной, тихой силой. Не давящей, не устрашающей, а такой… какой бывает у тех, кто не следует судьбе – а творит ее.

Глава 4
Шепот прошлого

Стук колес отбивал мерный, убаюкивающий ритм. Поезд уносил их все дальше от Терантиса, от его предрассветной суеты, страхов и запаха гари, который, казалось, все еще витал в воздухе, несмотря на распахнутые форточки. Роскошные виллы столичной знати с их ухоженными садами и высокими оградами постепенно сменились аккуратными, возделанными полями, а затем и бесконечными рядами виноградников, покрывавших пологие склоны холмов. Периодически мимо окон купе проносились небольшие крестьянские домишки, утопающие в зелени, а то и целые деревушки с дымящимися трубами и бредущими по пыльным дорогам коровами. И чем дальше уносил их стальной змей, тем призрачнее казались воспоминания о грохоте пушек, звоне стали и пролитой крови.

В императорском купе напряжение, висевшее в воздухе после появления последних пассажиров, немного спало. Путники, волей-неволей оказавшиеся в одной «золотой клетке», разбились на небольшие группки, занятые своими мыслями и разговорами.

Энна и Финн, примостившись на одном из диванов, тихо обсуждали, стоит ли им действительно ехать до самого Сиферея, или же лучше сойти на одной из промежуточных станций, где, возможно, будет спокойнее и проще найти работу.

– Может, стоит выйти раньше? – шептала Энна, глядя в окно. – Сиферей – слишком далеко. Мы ведь даже не знаем, что нас ждет там.

– А здесь что ждет нас, мятежников? – ответил Финн.

– Мы вовсе не мятежники, – прошептала Энна, нахмурившись.

Они замолчали. Вопрос повис в воздухе, тяжелый, как угольный дым, который все еще чувствовался в купе.

Жан и Гвенда, сидели рядом с чашками, которые так и не допили, и вполголоса решали, как им лучше разыскать в Сиферее некую Эдилию. Он говорил о чем-то деловито, она слушала, но взгляд ее часто возвращался к Фло. К девочке, которую она не называла дочерью. Но все равно не выпускала из поля зрения.

Дед, казалось, спал, откинувшись в мягком кресле и прикрыв лицо широкополой, хоть и изрядно потертой шляпой, которую он невесть откуда извлек. Впрочем, его ровное дыхание и неподвижность могли быть и обманчивы. Внук же оказался на удивление хорошей нянькой для неугомонной Фло. Он не только показывал ей нехитрые, но забавные фокусы с монеткой и веревочкой, но и рассказывал веселые истории, которые, по его словам, когда-то давно слышал от Деда. А когда девочке наскучили рассказы, он достал из своего мешка небольшую деревянную флейту и наиграл несколько простых, но приятных мелодий, от которых на душе становилось немного легче. Позже, по настоятельной просьбе Фло, Жан извлек из их сундука, спрятанного в багажной нише, ее любимую книжку с картинками — «Приключения благородного пирата Гвидо» — и Внук прочитал ей почти половину, добавляя смешные голоса для персонажей.

Время от времени Фло отвлекалась от Внука и дразнила Крака, скорчив рожицу и показав ему язык. Огромный шеши, к удивлению остальных, отвечал ей тем же, шутливо высовывая свой раздвоенный язык, отчего девочка заливалась веселым смехом. Боро и Тарга, Стражи Солнца, сидели по бокам от своего пленника, неподвижные, как каменные изваяния, лишь их глаза внимательно следили за каждым движением в купе.

Так прошел час, потом другой. Забавы Внука и дразнилки с Краком постепенно наскучили Фло. Она прижалась лбом к прохладному стеклу и стала с любопытством разглядывать

быстро меняющийся мир за окном. По ее широко раскрытым глазам было заметно, что многое из того, что она видела — поля, леса, маленькие деревушки — было для нее в новинку.

Внезапно поезд сбавил ход и с протяжным скрипом въехал под своды какого-то древнего, поросшего мхом каменного сооружения.

— Ой, какой мостик! — воскликнула Фло, прижимаясь носом к стеклу. — Мы под мостиком едем!

Дед, который, казалось, дремал, тут же оживился. Он снял шляпу с лица и подошел к окну.

— Это не совсем мост, капитан Фло, — сказал он, поглаживая свои роскошные усы. — Это акведук.

— А-кве-дук? — Фло с трудом выговорила незнакомое слово. — А что это такое?

— Это такой длинный-длинный каменный ручей, — улыбнулся Дед. — По нему когда-то очень давно, еще до твоего рождения, и даже до рождения твоего папы, вода текла в Терантис.

— Вода? А зачем? — удивилась Фло. — В речке же много воды.

— В речке-то много, — согласился Дед. — Да только Терантис город большой, народу в нем живет видимо-невидимо. И в очень давние времена воды в городе всем не хватало. Вот тогда один мудрый император, звали его Хаременис, приказал построить такие акведуки, чтобы из далеких чистых рек и озер вода сама притекала в столицу. И чтобы хватило ее всем — и богатым, и бедным.

— А этот император… Ха-ре-ме-нис… — Фло снова попыталась выговорить трудное имя. — Он дедушка Анфирия?

Дед на мгновение замолчал, и его глаза как-то по-особенному блеснули.

— А ты знаешь принцепса Анфирия, дитя мое? — мягко спросил он.

Прежде чем Фло успела ответить, в разговор поспешно вмешалась Гвенда.

— Принцепс пару раз бывал в доме моей бывшей хозяйки, — быстро проговорила она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно безразличнее. — Фло могла видеть его издалека. Дети ведь все запоминают.

Финн, услышав имя наследника престола, не сдержавшись, тихо присвистнул. Дед внимательно посмотрел на Гвенду, затем на Фло, и едва заметно кивнул, словно еще один кусочек какой-то сложной головоломки встал на свое место в его мыслях.

А вот Энна не поверила ни единому слову Гвенды. Слишком уж поспешно и неестественно прозвучало ее объяснение. Что-то здесь было не так. Гвенда явно чего-то не договаривала, скрывала какую-то тайну, связанную с этой маленькой светловолосой девочкой. Страшная мысль мелькнула у Энны в голове: а что, если Жан и Гвенда вовсе не родители Фло? Что, если они… похитили ее? Но тогда почему Фло так запросто зовет их мамой и папой? Энна было решила поделиться своими подозрениями с Финном, но, взглянув на его простодушное, ничего не выражающее лицо, передумала. Муж, скорее всего, просто посмеется над ее «женскими страхами». Нет, лучше пока промолчать и понаблюдать. Слишком много странного и непонятного было связано с этой семьей.

Прошло еще около часа и в дверь купе снова деликатно постучали. Вошел Серил, на этот раз в сопровождении двух рабынь-сирдх, кативших перед собой две сервировочные тележки, накрытые белоснежными салфетками.

— Скромный завтрак для высокочтимых пассажиров, — объявил он с неизменной заискивающей улыбкой, хотя в его глазах все еще читалась нервозность после инцидента с напитками.

Рабыни ловко сняли салфетки, и глазам изумленных Энны и Финна предстало такое изобилие, какого они не видели за всю свою жизнь. До этой поездки они считали, что живут пусть и не в роскоши, но вполне сыто. Неделя в Терантисе, конечно, показала им, что такое настоящая городская еда, но даже там они не сталкивались с подобным многообразием. Это

был вовсе не «скромный завтрак», как выразился начальник поезда, а самая настоящая пиршественная трапеза.

На одной тележке громоздились горы выпечки: пышные булочки, посыпанные маком и кунжутом, хрустящие рогалики, сладкие слойки с неведомой начинкой и даже несколько видов хлеба — от простого ржаного до изысканного белого с травами. Рядом красовались тарелки с колбасами — копчеными, вялеными, вареными, из такого количества сортов мяса, какое Энна и Финн даже представить себе не могли. Огромное блюдо было завалено свежими фруктами: румяные яблоки, сочные груши, гроздья винограда нескольких цветов, а также какие-то экзотические плоды с яркой кожурой, названий которых они не знали. Была даже пара глубоких мисок с дымящимися кашами — одна, судя по запаху, овсяная, а другая, более темная, возможно, гречневая. И, конечно же, сыры — целая палитра вкусов и ароматов, от мягких сливочных до твердых, остро пахнущих. Среди них выделялся один, необычного коричневатого цвета.

— Это чиш-кез, — пояснил Серил, заметив любопытные взгляды пассажиров, устремленные на этот сыр. — Деликатес народа шеши. Очень специфический вкус, не каждому придется по нраву.

Крак, услышав знакомое название, звякнул цепями и, не дожидаясь приглашения, оторвал от головки сыра увесистый кусок и сунул в рот. Серил с ужасом замер, ожидая, что шеши снова выплюнет угощение на многострадальный ковер. Однако на этот раз Крак лишь одобрительно хмыкнул, или, вернее, издал короткий рокочущий звук, и потянулся за добавкой.

На второй тележке царило царство сладостей. Вазочки с различными видами варенья — от янтарного абрикосового до темно-рубинового вишневого, пирожные с кремом, украшенные цукатами и орехами, шоколадные конфеты ручной работы и даже несколько видов сладостей, о которых Энна только слышала от заезжих торговцев. Рядом стояли кувшины с напитками: снова тэй и кафаш, а также свежевыжатые соки — яблочный, виноградный и какой-то ярко-оранжевый, похожий на морковный. Были и напитки покрепче: несколько бутылок с винами различных оттенков — от светло-соломенного до насыщенно-бордового, глиняные кувшины с пенящимся элем и даже небольшой бочонок с чем-то, напоминающим деревенскую брагу.

— Пьют по утрам только пьяницы, — тихо заметила Энна, глядя на алкоголь.

— Или аристократы, — с легкой усмешкой добавила Гвенда, выбирая себе маленькое пирожное с кремом.

Пассажиры оживились, разбирая яства. Крак налег на эль, щедро запивая им свой любимый чиш-кез и какую-то особенно терпкую, темную колбасу. Фло, забыв обо всем на свете, увлеклась пирожными, пачкая кремом нос и щеки. Внук, как и прежде, вел себя скромно, беря отовсюду понемногу — кусочек хлеба, ломтик сыра, яблоко. Дед снова ограничился лишь чашкой горячего тэя, задумчиво глядя в окно. Финн, недолго думая, отхватил себе добрый ломоть копченой колбасы и кусок ржаного хлеба. Девушки же предпочли более легкий завтрак: Энна выбрала стакан оранжевого сока и булочку с маком, а Гвенда, как и Дед, пила тэй, закусывая его маленьким пирожным. Стражи Солнца, Боро и Тарга, взяли по куску сушеного мяса и по лепешке, всем своим видом показывая, что не привыкли к подобным изыскам.

Пожелав всем приятного аппетита, Серил с сирдхами удалился, сказав, что позже пришлет за посудой, и тихо прикрыл за собой дверь.

За едой разговоры начали завязываться понемногу – сначала робкие, осторожные, словно пассажиры принюхивались друг к другу, а затем все более светские и даже дружеские. Энна и Гвенда отсели к одному из окон, где за чашками сока и тэя завели беседу о сплетнях, подружках, соседях и порой даже о мужьях. Энна, позабыв о недавних тревогах, весело выкладывала пересуды из родной деревни, щедро сдабривая истории смешными подробностями о пути в Терантис. Гвенда же предпочитала помалкивать, лишь изредка кивая или вставляя короткие реплики, поддерживая разговор, но явно избегая делиться чем-то своим.

Тем временем трое мужчин – Финн, Жан и Дед – пересели к другому окну, где разгорелся жаркий спор об обстановке в Империи, мятеже и войне. Голоса то поднимались, то затихали, наполняя купе напряженной энергией. К своему удивлению Дед обнаружил, что Финн вовсе не на стороне мятежников, как он изначально думал, а поддерживает императора и старый порядок. Финн, отхлебнув эля, отстаивал свою точку зрения, его голос звучал уверенно:

– Ну да, пять лет назад засуха в долине Аллидис сгубила почти весь виноград, через год в аррайской степи начался мор скота, а еще через год из южных земель налетела саранча, уничтожившая урожай в моей родной долине Панарис. Начался голод. Безусловно, это знак самого Халама, а может, и проклятие Темного Ока. Но виноват в этом не император и его семья, а жадные и глупые султары да прочие аристократы, которые только и знают, как набивать свои сундуки. Такие бедствия – не повод султару Адунции Калестию с его сыном Тарином разжигать войну, разрушать города, сжигать поля, грабить и убивать людей.

Жан, задумчиво покрутив в руках ломтик колбасы, возразил:

– Да, бедствия были, но император Артемион слишком стар, чтобы нормально править. А принцепс Анфирий – тот вообще безрассуден, да еще и под влиянием своей жены Зоэ. Из-за их расточительности и глупости на империю обрушился гнев Халама. Лучше бы вернуться к республике с двумя консулами, как в былые времена. А что города разрушены и люди умерли – так это и так бы случилось, рано или поздно.

Дед, попивая тэй и глядя на них из-под полей шляпы, молчал, пока не решил вставить слово:

– Война – это зло. Но в эти темные времена, похоже, неизбежное. Может, истина где-то посередине – между жадностью аристократов и слабостью трона.

– Калестия ведь поддержал даже Диарх Церкви, – привел еще один довод Жан.

Финн хмыкнул.

– Лучше бы он побеспокоился о своей душе, – он тут же покосился на двух Стражей Солнца, которые если что и услышали, то не подали виду. – Впрочем, это лишь слова, Церковь явно не участвует в войне ни на чьей стороне.

– Порой, слова имеют куда большую силу, чем самые отчаянные действия, – заметил Дед, отхлебнув из чашки.

Гвенда с материнской заботливостью наблюдала за Фло, которая с энтузиазмом поглощала пирожные. Крошки сыпались на ее голубое платьице, пальцы были перепачканы кремом, а на белоснежном воротничке красовалось внушительное пятно. Даже на ковре виднелись следы детского пиршества.

— Ну вот, опять как поросенок, — с деланой строгостью проговорила Гвенда, доставая из ридикюля чистый платочек. Она подошла к девочке и попыталась утереть ей лицо. — Нука, повернись, сластена.

Фло хихикнула, отворачиваясь.

— Мама, а почему поросята всегда грязные? Они что, не любят мыться?

— Я тебе не… — начала было Гвенда свою привычную фразу, но осеклась на полуслове.

Ее прервал громкий, несколько нетвердый голос Крака. Шеши, осушивший уже не одну кружку эля, шумно икнул.

— Эй, мальчишка! — рявкнул он, обращаясь к Внуку, который как раз закончил свой скромный завтрак. — А ну-ка, сыграй нам чего-нибудь веселенькое на своей дудке! Душа просит музыки, а ноги — пляса!

Внук встревоженно посмотрел на Деда. Тот, едва заметно улыбнувшись в усы, коротко кивнул. Юноша немного помедлил, словно собираясь с духом, затем достал из мешка старика деревянную флейту, ту самую, чей кончик ранее заметила Фло. Он поднес ее к губам, и через мгновение купе наполнилось залихватской, чуть разухабистой деревенской мелодией, от которой ноги сами просились в пляс.

Крак одобрительно зарычал, притопывая закованной в кандалы ногой в такт музыке.

— А ты, шак-кари, плясать-то умеешь? — спросил он у Фло, его черные глаза блестели.

Фло, забыв про Гвенду с ее платочком, тут же вскочила на ноги.

— Умею! Умею! — воскликнула она и, подхватив подол своего испачканного платьица, пустилась в незатейливый, но полный детского восторга танец. Она кружилась, подпрыгивала, размахивала руками, совершенно игнорируя попытки Гвенды поймать ее и привести в порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.